

А. А. Хуснутдинова

Тверской государственный университет, 3 курс

Научный руководитель: к.ф.н. М.О. Туркова-Зарайская

ДАНИЭЛЬ КЕЛЬМАН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОКОЛЕНИЯ «НОВЫХ РАССКАЗЧИКОВ» И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИДИОСТИЯ

Настоящее исследование посвящено творчеству немецкого и австрийского писателя Даниэля Кельмана, а также особенностям его идиостиля. Актуальность исследования связана с интересом к тенденциям развития современной немецкоязычной литературы. Выявление особенностей идиостиля названного писателя способствует осмыслению путей развития новейшей австрийско-немецкой литературы.

Даниэль Кельман – молодой писатель-прозаик, в произведениях которого умело сочетаются увлекательный сюжет и глубокие философские проблемы. Автор пишет под влиянием латиноамериканского магического реализма, и во многих его романах встречаются отсылки к известным представителям этого жанра.

Даниэль Кельман – лауреат премии Кандит (2005), финалист «Немецкой литературной премии» (2005), лауреат премии общества Конрада Аденауэра (2006), лауреат премии Клейста (2006), премии ХаймитоДодерера (2006), премии газеты Welt (2007), премии имени Томаса Манна (2008). В решении жюри было сказано следующее: «Чсть быть награжденным оказана остроумного эссеисту и рассказчику, романы и новеллы которого написаны с артистическим воодушевлением, а также, следуя манере Томаса Манна, наполнены юмором, иронией и глубинным смыслом – движущими силами вполне серьезных шуток». Также Даниэль Кельман был номинирован на премию Грегора фон Реццори за роман «Измеряя мир» и на общероссийскую литературную премию «Ясная Поляна» за роман «Ф» («F»).

Первый роман Даниэля Кельмана «Магия Берхольма» («Beerholms Vorstellung») был опубликован в 1997 году и переведен на русский язык в 2003. Некоторое время спустя в свет вышло следующее его произведение «Время Малера» («Mahlers Zeit», рус. перевод 2004). Два этих романа продолжают традиции магического реализма. «Последний предел» («Der fernste Ort», рус. перевод 2004) и «Я и Каминский» («Ich und Kaminski», рус. перевод 2004) выдержаны в рамках постмодернизма.

Самым известным произведением Даниэля Кельмана является роман «Измеряя мир» («Die Vermessung der Welt», рус. перевод 2009). Роман лидировал в списке бестселлеров журнала Spiegel 37 недель, занял второе место среди самых продаваемых книг 2006 года в газете TheNewYorkTimes и был переведен более чем на 40 языков мира. По объемам продаж и популярности роман может сравниться с произведением Патрика

Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы». До сих пор роман «Измеряя мир» пользуется огромной популярностью у читателей. Сюжет романа строится на биографиях немецкого географа и натуралиста Александра фон Гумбольдта и немецкого математика Карла Фридриха Гаусса. В книге рассказывается о становлении этих двух личностей, об их заслугах, а также ставится ряд вопросов философского характера.

Исследования, посвященные творчеству Даниэля Кельмана

Творчеству Даниэля Кельмана посвящено много работ. Огромное их количество принадлежит зарубежным литературоведам, однако существует немало и отечественных исследований. Интерес к произведениям Даниэля Кельмана растет, и все больше людей делают свои шаги на пути к осмыслению поэтики писателя. Наиболее полными можно считать труды следующих зарубежных литературоведов: G. Nickel [Nickel 2009: 219], M. Gasser [Gasser 2009: 159], J. Rickes [Rickes 2012: 143; Rickes 2010: 104], K. Bichler [Bichler 2013: 140]. В отечественном литературоведении творчество Кельмана анализируется в диссертациях Ж.А. Голенко [Голенко 2010: 239], Д.А.Чугунова [Чугунов 2006: 413], Ю.К. Казаковой [Казакова 2015: 169], а также в работах Е.Г. Проциной [Процина 2011: 561-564], Ю.Л. Цветкова [Цветков 2015: 100-108] и др. С лингвистической точки зрения творчество Даниэля Кельмана рассматривают А.Ю. Калиновская [Калиновская 2011: 200], А.А. Гайворовская [Гайворовская 2017: 1427-1434], Е.М. Коломейцева [Коломейцева 2014: 59-61] и др. О роли магического реализма в произведениях Даниэля Кельмана пишут известные австрийские критики-литературоведы: К. Цайрингер [Zeyringer 2008: 36-44], М. Людке [Lüdke 2008: 45-54], Х. П. Пройсер [Preusser 2008: 73-85], Т. Арэнд [Thorsten 2008: 68-72], А. Эхтерхельтер [Echterhölter 2006: 72-84] и Г. Шольц [Scholz 2012: 106]. Историко-культурный и биографический контекст произведений Кельмана детально проработан в работах Р. Менассе [Menasse 2008: 30-35], М. Андерсона [Anderson 2008: 58-67], Ф. Оорта [Oort 2008: 681-684] и др.

Стоит отметить, что в центре внимания большинства исследователей находится принадлежность автора к «новой волне» немецкоязычных писателей. К примеру, Ж.А. Голенко [Голенко 2010: 239] относит Кельмана к ярким образцам прозы «молодежного сознания» рубежа XX-XXI веков, сам же автор причисляется к «двадцатилетним-тридцатилетним» авторам поколения «потерянных» и «гневных». По признанию самого Кельмана, он является представителем поколения «новых рассказчиков». Кельман хочет раздвинуть границы классического повествовательного формата и отрицание новаторства ему не свойственно. Писатель продолжает линию классического модерна, которая была утеряна в послевоенное время.

Многие исследователи отмечают, что Кельман испытал существенное влияние со стороны латиноамериканского магического реализма и фантастической прозы следующих писателей пражской школы: Альфреда Кубина, Лео Перуца и Густава Майринка. Данную мысль поддерживает известный австрийский критик-литературовед Клаус Цайрингер. По его мнению, Даниэля Кельмана привлекает та литература, что пренебрегает законами реальности. Этой же мысли придерживаются Мартин Людке, Хайнц Петер Пройсер, а также другие зарубежные исследователи. Но и отечественные исследователи не остаются в стороне. Е.М. Шастина в своей статье, посвященной поэтике Даниэля Кельмана [Шастина 2012: 364-368], утверждает, что автор открыт к восприятию латиноамериканского магического реализма, уходящего глубоко корнями в историю человечества. Не остается сомнений, что ключевое положение в творчестве Даниэля Кельмана занимает магический реализм. Однако в своих произведениях писатель не полностью стирает границы между обыденным и фантастическим.

В своем романе «Измеряя мир» в главе «Река» Кельман вводит латиноамериканских персонажей, чьи имена отсылают нас к известным латиноамериканским авторам, работавшим в жанре магического реализма. К примеру, имя Габриэль является отсылкой к Габриэлю Гарсиа Маркесу, имя Хулио отсылает нас к Хулио Картасару и так далее. Согласно Казаковой Ю.К., данные писатели «имеют особое значение для Даниэля Кельмана; их литературные и идейные принципы составляют фундамент его творческого мышления, именно поэтому в романе они представлены в роле гребцов, задача которых служить проводниками на пути Гумбольдта к познанию истины» [Казакова 2015: 96].

В своей работе австрийский литературовед МаркусГассер [Gasser 2008] делает акцент на своеобразии поэтики Кельмана, в особенности отмечается умение автора в каждом своем романе создать набоковскую реальность, в которой фантастика сливается воедино с экзистенциальностью. Сам Кельман не отрицает влияния Набокова на его творчество. В одном из интервью автор восхищается тем, как Набоков умело использует метафоры, внося в повествование новизну и необычность. По словам Кельмана, он продолжает учиться у своего кумира, которого называет «магом слова». Также автор утверждает, что именно Набоков вдохновил его начать писательскую карьеру. Е.М. Шастина также отмечает приверженность Кельмана к изысканной выразительности Владимира Владимировича.

Некоторые исследователи, к примеру МаркусГассер, проводят параллели между творчеством Кельмана и произведениями известных писателей: Т. Манна, Х. Л. Борхеса, Г. Джеймса. Профессор германистики и компаративистики из Колумбийского университета М. Андерсон

сопоставляет роман «Измеряя мир» с произведениями писателей австрийского модерна Роберта Музиля и Франца Кафки.

Основным принципом прозаика «новой волны» является эксперимент, и данное утверждение обозначено в работе В.А. Пестерева. Исследователь рассматривает внутреннюю и внешнюю полижанровость романов автора. Пестерев [Пестерев 2013: 180-187] отмечает, что в романе «Измеряя мир» объединены несколько жанровых составляющих: биографическое, историко-культурное, а также философско-интеллектуальное жанровое составляющее. Таким образом, роман задает сразу несколько аксиологических вопросов: вопрос о ценностных смыслах человека, культуры, истории и философии.

Языковые особенности творчества Даниэля Кельмана на примере романа «Измеряя мир»

Германия рубежа XVIII-XIX столетий, подходит к концу эпоха Просвещения. Даниэль Кельман выбирает двух гениев данного времени – Александра фон Гумбольдта и Карла Гаусса – и наделяет их основными чертами немецкой самобытности. Первая языковая особенность романа, выявленная в научной работе Г.А. Фролова и Е.М. Шастиной [Фролов, Шастина 2016: 1098-1107], заключается в передаче характеров главных героев посредством их речи. Эти персонажи уникальны, и автору удается показать их суть, их непохожесть посредством персонально акцентированной окраски текста.

Карл Гаусс, являясь выходцем из крестьянской семьи, говорит соответственно. Он выражается так называемым «низким» языком.

✓ Raus mit der Sprache, sagte Gauß. – *А ну выкладывай*, приказал Гаусс.

✓ Der Kerl sei von Sinnen, sagte Gauß...– *Совсем сдурил парень*, заметил Гаусс...

Кроме того, Карл Гаусс отличается вспыльчивостью и часто с его стороны раздаются ругательства:

✓ Dummer Esel, sagte er und ging los.– *Безмозглый осел!* сказал он и двинулся дальше.

Второй главный герой романа, Александр фон Гумбольдт – аристократ. Соответственно для его манеры речи характерен «высокий стиль». Его высказывания сложны по своей структуре, он не употребляет просторечия и грубую брань, в отличие от Гаусса.

✓ Nun ja, sagte Humboldt. Es sei zweifellos ein sehr respektabler Trichter.– *Ну да*, сказал Гумбольдт. *Воронка из бананового листа – вещь, без сомнения, весьма неординарная.*

✓ Das Romanschreiben, sagte Humboldt, erscheine ihm als Königsweg, um das Flüchtigste der Gegenwart für die Zukunft festzuhalten.– *Написание романа*, заметил Гумбольдт,

представляется мне той столбовой дорогой, что позволит спасти для будущего мимолетности настоящего времени.

Но даже в те редкие моменты, когда Гумбольдт под влиянием эмоций позволяет себе использование разговорной речи, он не опускается до использования грубой лексики.

✓ Beschämend sei das, sagte Humboldt, sehr unerfreulich. – *Какой срам, сказал Гумбольдт, совсем не радостно.*

Главную роль в реализации концепта романа, а также в передаче его главной идеи играет косвенная речь. Эта особенность подробно рассмотрена в научной статье И.А. Шиповой [Шипова 2014: 186-191]. Косвенная речь служит нескольким целям. Во-первых, она снимает с автора ответственность за достоверность текста, так как все повествование ведется от третьего лица. У автора отпадает необходимость разрабатывать речь, характерную для того времени. В этом романе отсутствуют формализованные приветствия, обращения и какие-либо иные языковые элементы, без которых невозможно было бы достоверно передать картину того времени. Во-вторых, в романе «Измеряя мир» огромное количество персонажей, каждого из которых нужно прописать и наградить особенным речевым портретом. Но Даниэль Кельман обходит эту проблему стороной, переводя прямую речь в косвенную, и тем самым обезличивая ее. В-третьих, косвенная речь позволяет автору отодвинуть свое я на задний план и создать иллюзию отстраненности автора от происходящего. Даниэль Кельман воздерживается от оценки событий и от каких-либо комментариев.

✓ Bartels erzählte, dass er mit dem Rektor des Gymnasiums gesprochen habe.

✓ Daguerre forderte den Polizisten auf, aus dem Bild zu gehen.

✓ Der fragte Bonpland, was Humboldt für ein Mensch sei.

Третья особенность романа «Измеряя мир» - использование специализированной лексики и терминологии – была освещена в статье Аверкиной Л.А. [Аверкина 2017: 58-69]. На протяжении романа автор часто использует специализированную лексику и термины, однако если обратиться к справочной литературе, то можно обнаружить некоторые различия между реальным определением понятия и тем определением, которое предлагает автор. К примеру:

✓ «Zwei Barometer für den Luftdruck, ein **Hypsometer** zur Messung des Wassersiedepunktes, ein Theodolit für die Landvermessung, ein Spiegelsextant mit künstlichem Horizont, ein faltbarer Taschensextant, ein **Inklinatorium**, um die Stärke des Erdmagnetismus zu bestimmen...

Для определения дефиниций был использован электронный словарь DUDEN [DUDEN ONLINE-WÖRTER-BUCH]. По утверждению автора, гипсометр (Hypsometer) используется для измерения температуры кипения воды. Однако согласно словарю, гипсометр измеряет давление воздуха в

атмосфере. Такой прибор как инклинатор (Inklinatorium) не определяет силу земного магнетизма, а служит для измерения величины наклона земного магнетизма.

На основе этого мы можем утверждать, что Даниэль Кельман не считает научную достоверность обязательной для художественного текста, и подобные неточности с его точки зрения вполне допустимы.

Творчество Даниэля Кельмана представляет собой обширное поле для научных исследований. Анализ произведений писателя позволяет воссоздать полную картину развития австрийско-немецкой литературы в 2000-е годы. В дальнейшем планируется более подробный анализ языковых особенностей романа Даниэля Кельмана «Die Vermessung der Welt» и установление способов их перевода на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Anderson M.M. Der vermessende Erzähler Mathematische Geheimnisse bei Daniel Kehlmann //Text+Kritik. München, 2008. H. 177. S. 58-67.

Bichler K. Selbstinszenierung im literarischen Feld Österreichs. Daniel Kehlmann und seine mediale Inszenierung im Bordieu'schen Feld. Franfort am Main: PL Acad. Research, 2013. 140 S.

DUDEN ONLINE-WÖRTER-BUCH [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/>

Echterhölter A. Schöner berichten. Alexander von Humboldt, Hubert Fichte und Daniel Kehlmann in Venezuela. Dossier Humboldt Fichte. Kultur und Gespenster Ausgabe 1, 2006. S. 72-84.

Gasser M. Das Königreich im Meer. Daniel Kehlmanns Geheimnis. Göttingen : Wallstein-Verl., 2009. 159 S.

Gasser M. Das Königreich im Meer. Daniel Kehlmanns Geheimnis. Göttingen : Wallstein-Verl., 2009. S. 18.; Text+Kritik. Zeitschrift für Literatur München, Heinz Ludwig Arnold, 2008. 100 S.

Lüdke M. Eigentlich geht es nur um den Zufall. „Beerholms Vorstellung" und seine keineswegs vergeblichen Schritte auf dem Weg zur Aufklärung //Text+Kritik. München, 2008. H. 177. S. 45-54.

Menasse R. Ich bin wie alle, so wie nur ich es sein kann. Daniel Kehlmanns Essays über Autoren und Bücher //Text+Kritik. München, 2008. H. 177. S. 30-35.

Nickel G. Daniel Kehlmanns Die Vermessung der Welt. Materialien, Dokumente, Interpretationen // Rowolt Taschenbuch Verlag.Reinbek, 2009. S. 219.

Oort F. Measuring the World // Notices of the AMS, vol.55/6, 2008. P. 681-684.

Preusser Heinz-Peter Zur Typologie der Zivilisationskritik. Was aus Daniel Kehlmanns Roman „Die Vermessung der Welt" einen Bestseller werden ließ // Text+Kritik. Zeitschrift für Literatur. München, 2008. S.73-85.

Rickes J. Daniel Kehlmann und die lateinamerikanische Literatur. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2012. S. 143.; Rickes J. Die Metamorphosen des "Teufels" bei Daniel Kehlmann : «sagen Sie Karl Ludwig zu mir». Würzburg : Königshausen & Neumann, 2010. 104 S.

Scholz G. Zeitgemäße Betrachtungen : zur Wahrnehmung von Gegenwart und Geschichte in Felicitas Hoppes Johanna und Daniel Kehlmanns Die Vermessung der Welt. Innsbruck, Wien; Bozen; Studien Verl., 2012. S. 106.

Thorsten A. Nomoredogs! Erfahrungen mit Daniel Kehlmann //Text+Kritik. München, 2008. Н. 177. S. 68-72.

Zeyringer K. Gewinnen wird die Erzählkunst. Ansätze und Anfänge von Daniel Kehlmanns «Gebrochenem Realismus» // Text+Kritik. München, 2008. II. 177. S. 36-44.

Аверкина Л.А. Анализ романа Даниэля Кельмана «Die Vermessung der Welt» и его перевода на русский язык //Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 39. 2017. С. 58-69.

Гайворовская А. А. Виды персонажно-авторской речи в романе Д. Кельмана «Измеряя мир» // статья в сборнике трудов конференции «Наука молодых», Нижний Новгород, 2017. С. 1427-1434.

Голенко Ж.А. Феномен "молодежного сознания" как "стилеобразующий фактор" в прозе рубежа XX-XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 239 с.

Казакова Ю.К. Творчество Даниэля Кельмана в контексте немецкоязычной литературы конца XX- начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. Елабуга 2015. 169 с.

Калиновская А.Ю. Способы достижения эквивалентности перевода эллиптических предложений в русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва 2011. 200 с.

Коломейцева Е.М. Прагматика деловой языковой ролевой игры // Тамбовский государственный технический университет, издательство грамота, 2014. С. 59-61.

Пестерев В.А. Полижанровость романа Даниэля Кельмана «Измеряя мир»// Русская германистика. Ежегодник Российского съезда германистов. Т.10. Москва, 2013. С. 180-187.

Прощина Е.Г. «Неужели всегда нужно быть настолько немцем?»: иронический контекст немецкой идентичности в романе Д. Кельмана «Измеряя мир» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 561-564.

Фролов Г.А., Шастина Е.М. Модернизм – Постмодернизм – Неомодернизм (Повествовательные стратегии в немецкоязычном романе XXI века: Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 2016. С. 1098-1107.

Цветков Ю.Л. Игровое пространство романа Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // Вестник БФУ им. И. Канта, 2015. С. 100-108.

Чугунов Д.А. Немецкая Литература 1990-х годов: основные тенденции развития: дис. доктора филол. наук. Воронеж, 2006. 413 с.

Шастина Е.М. Даниэль Кельман: проблемы поэтики. Диалог культур – культура диалога // материалы междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 2012. С 364-368.

Шипова И.А. Языковой портрет прошлого в романе Даниэля Кельманна «Измеряя мир» // Вестник Удмуртского университета, 2014. С. 186-191.